

Интеллектуальное событие

От редакции

Продолжаем печатать статьи из капитального труда, посвященного анализу семи поколений московских философов¹. В данном номере представлена часть трудов философов и востоковедов поколения 2010-х годов.

В.П. Макаренко

ЛИЦО МИЛЛЕНИАЛА²

Н.Д. Сафронова

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

Аннотация: В данном эссе предпринимается попытка выявить некоторые особенности философского поколения миллениалов, родившихся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в России. Отправляясь от специфики культурного и исторического контекста, обрамлявшего становление поколения Y в России, автор выделяет в качестве характерных черт «миллениального лица» прагматизм, иронично-игровое отношение к традиции, виртуализацию реальности, многоязычие и философский космополитизм – характеристики, отражающие специфику «всеядного» и номадического сознания миллениала.

Ключевые слова: история философии, МГУ, философский факультет МГУ, поколение миллениалов, поколение Y, виртуальность, прагматизм.

Есть ли лицо у нашего поколения или оно расплывается, подобно череде следующих друг за другом нулей миллениальности, ставшей нашим прилипчивым определением? Отмечено ли оно каким-то выраженным порывом к самоидентификации или же, по уже привычным постмодернистским метафорам, постоянно переписывает и пересоздает само себя? Задача говорить о поколении в целом расстилается передо мной подобно полосе препятствий в компьютерной игре, где нужно попытаться проскользнуть мимо болотца ложных генерализаций, обойти зловеще реющих впереди идолов личной пещеры, пробежать под выскальзывающимися из-под ног мостам умозаключений и в результате пробиться, но к чему? – к лицу? портрету? следу на песке? – или же обнаружить, что находишься внутри этой самой компью-

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил.

² См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1093–1101.

терной игры, где воображаемый путь столь же вымышлен, что и трофей, который ожидает в конце пути? Однако каким бы ни был конечный результат, исследовательский интерес зовет предпринять это небольшое путешествие, даже если в его итоге будет найдена не истина, а несколько любопытных диковинок. Поэтому приглашу читателя отправиться вслед за мной, помня, впрочем, о том, что на ускользящее лицо моего поколения мы будем смотреть через искажающую призму личного взгляда.

Пожалуй, стоит признаться с самого начала, что я не вижу перед собой поколения, я вижу конкретных людей, что, вероятно, уже само по себе является результатом произошедшего за несколько десятилетий до нашего рождения мировоззренческого поворота от поиска общего к фиксации уникальности и различия, от телеологии к археологии и генеалогии. В то же время возможно, что неспособность взглянуть на себя со стороны является простым следствием оптического эффекта, как на той картинке с обложки книги В. Айрапетяна, где два уставившихся на зрителя шута подписаны фразой: «Трое нас с тобою шальных, блажных дураков». В качестве комментария к данной картинке Айрапетян приводит историю о человеке, который, считая людей в комнате, всё время забывал посчитать самого себя: так и здесь, более четко различая какие-то особенности поколений своих родителей, бабушек и дедушек и уже отметив в себе забавные старческие моменты непонимания «молодых», которые пришли после нас, нам почему-то тяжело обернуться и посмотреть на самих себя, ухватить главное, что объединяет тех людей, которые вместе с тобой учились читать, мыслить, выживать и творить.

Здесь я попытаюсь сфокусироваться на поколении, наиболее близком ко мне хронологически: людях, родившихся в конце 80-х – начале 90-х годов, в период известных всем событий, в буквальном смысле перестроивших не только привычный способ существования, но и всё мироощущение русского человека, его способы мыслить и говорить о себе и о мире. Кажется, мы как поколение, которое уже не «ждало перемен», а вошло в мир в эпоху перемен, так и продолжаем нести на себе этот неизгладимый след «между», какой-то характерной лиминальности: мы уже и не в советском прошлом, но и не совсем в искомом «будущем», картина которого во многом выстраивалась «от противного» – того, чего не должно в нем быть. С другой стороны, эта зыбкость и лабильность нашего положения обернулась определенной гибкостью сознания, способностью вбирать в себя и старое, и новое, и сочетать его в подчас монструозных комбинациях. Среди людей своего поколения я встречала веселых анархистов, воодушевленных либералов, радикальных консерваторов, ностальгирующих по Империи, и ярких апологетов советского времени, которого мы не застали. Однако здесь меня будет больше занимать то, как эта гибкость и даже определенная «всеядность» сознания отразилась на философском портрете моего поколения.

Мой курс философского факультета Московского университета начал обучение в 2009 году – в тот уникальный момент, когда в МГУ можно было поступить без дополнительных вступительных испытаний, а просто по результатам нововведенного ЕГЭ, что отпечаталось на нашем курсе клеймом «егэшников». Это клеймо в течение первого курса преследовало нас в ненароком оброненных комментариях преподавателей, заставляя чувствовать себя незаконными вторженцами в храм знаний, и казалось, что сами стены нововыстроенного здания на Ломоносовском проспекте терпят нас из некоторого снисхождения. Новички в новом, тогда еще не обжитом здании, мы должны были производить двойной отчуждающий эффект на корифеев факультета. Однако в итоге это не заставило нас отбросить свои амбиции, а дало прямо противоположный эффект: многие мои однокурсники словно бы решили доказать, что оказались здесь не случайно и в результате стали блестящими специалистами и остались работать по специальности на факультете, в Институте философии РАН, Высшей школе экономики и других центрах философской и культурной жизни Москвы.

Однако я слишком забегаю вперед. Давайте на секунду остановимся и обернемся назад, чтобы взглянуть на то, какие впечатления, мечты, события, истории, веяния могли пробудить в нас желание переступить порог именно этого, манящего и опасного для юных умов факультета, как эти собранные всеядным сознанием влияния отражались в калейдоскопе наших философских интересов и размечали наши пути. Снова оговорюсь, что, не обладая ни ресурсами, ни возможностями создать исчерпывающий паноптикум тех культурных, политических и социальных факторов, из которых лепились наши нетождественные себе личности, я просто попытаюсь выделить несколько черт, кажущихся мне особенно характерными на лице моего философского поколения.

Откуда в нас пробилось желание ставить под вопрос себя и мир в целом – желание, прокладывающее дорогу в философию? Конечно, у каждого здесь был свой путь, но трудно отрицать, что существуют знаковые для нашего поколения персонажи, мифы, книги и кино, воздух эпохи, создавший особую почву, из которой произросла индивидуальная форма каждого из нас.

Первая ключевая черта – указанная выше переходность или даже номадность нашего поколения раскрывается на целый веер аспектов, предопределивших наши философские пути. Раскрытие границ и падение стен – это не просто исторический контекст, а своеобразный жест, отмечающий то философское поле, в котором мы оказались и в формировании которого постепенно сами начинали принимать участие. Он находил свое отражение не только в том, что на моем 1-м курсе, как на общем поле битвы и исследования, собрались очень разные люди: начиная от сциентистски подкованных студентов до глубоко верующих религиозоведов, от одних, пришедших защищать и развивать марксистскую философию, до других, чутких к философскому мистицизму, от людей, очарованных древностью, до людей, похорошему жадных до философских новинок. Не стану утверждать, что подобное разнообразие было характерно исключительно для нас, но сама негомогенность и открытость того поля идей и людей, среди которых мы очутились и которыми мы были сами, была словно отражением того внешнего мира, с которого в течение первых десятилетий нашей жизни постепенно исчезали границы и который шаг за шагом открывался перед нами во всем своем неклассифицируемом и будоражащем разнообразии. Мы – поколение,

в котором владение вторым языком постепенно начало превращаться в норму и в котором поездки на научные стажировки перестали быть из ряда вон выходящим событием. Мы стажировались и выступали в Великобритании, Ирландии, Китае, Гренландии, Германии, Франции, Чехии и других странах. Мы учили древнегреческий, санскрит и латынь у классиков нашего факультета, вдохновлялись философией Древнего Востока и испытывали на себе дразнящее влияние современной англоамериканской и континентальной мысли.

Но что же все-таки более конкретно сказать о тех влияниях, что мы испытали, и вытекающих из них философских предпочтениях? Почему-то сейчас, оглядываясь назад, кажется, что линии наших философских путей любопытным образом перекликаются с теми фильмами, на которых мы росли, и возможно, это будет первым удобным подступом к схватыванию неухватываемого. Пусть я сейчас скажу что-то весьма поверхностное, но мы – поколение, выросшее на «Матрице», «Звездных войнах», «Властелине колец» и «Гарри Поттере» (выбор пал на эти фильмы и книги не потому, что нельзя найти каких-то других, тоже повлиявших на нас, а потому, что, на мой взгляд, они стали источниками культурных кодов, по модели которых позже было создано неизмеримое количество нового культурного материала). Разумеется, я говорю сейчас не о тех фильмах и книгах, которые мы смотрели и читали уже будучи более-менее зрелыми зрителями и аналитиками, а о том, что вошло в наше детское сознание полуосознанными архетипами и предопределило нас на уровне какой-то инстинктивной устремленности к приоткрытию кромки реальности. Если посмотреть на эти четыре истории

максимально отвлеченно, то можно заметить, что все они имеют дело с определенной достройкой реальности, со сменой перспективы, из которой мир предстает в трансформированном виде. «Матрица», с ее зеленоватой холодной атмосферой бесконечного вычисления, вышедшая в 1999 году, когда мои ровесники только пошли в школу, была не просто откровением, она стала для многих из нас опытом тотального переворачивания мира и поводом для первого философского вопроса: «А что, если всё действительно не так, как нам представляют?» Кажется, что этот впитанный еще в детстве опыт выхода если не из «матрицы», то хотя бы за пределы привычной картины мира, первый принятый вызов мыслить за самих себя, сыграл свою роль в том, как десятилетие спустя в нас отзывалась кантовская «вещь в себе» и проекты радикального конструктивизма. С другой стороны, эстетика мыслящих машин и компьютерного моделирования реальности, характерная, например, для «Искусственного разума» Спилберга и более древних «Звездных войн» и «Терминатора», книг Лема, Брэдбери и многих других фантастов, тоже внесла свою лепту в то одновременно осторожное и пытлиное отношение, с которым мы стали приближаться к проблемам искусственного интеллекта и поддавались очарованию «философских зомби».

Метафора выхода из матрицы сыграла, кажется, далеко не последнюю роль в той жадности, с которой на первом курсе мы впитывали преподносимые нам древнеиндийские идеи мира как иллюзии-майи, сотканной лилой, божественной игрой. Любопытно, что восточной эстетикой пронизаны и такие, на первый взгляд, далекие от Древнего Востока фильмы, как «Звездные войны», где идеал воина-джедая создавался Джорджем Лукасом с опорой на ряд восточных течений, или «Матрица» с ее зрелищными боями, основанными на восточных единоборствах. Несмотря на опасность каких-либо обобщений, кажется, что для многих из нас Восток обладал таинственным притяжением. Мне трудно говорить об общей роли для целого поколения таких «синтетических» книг, как «Игра в бисер» Г. Гессе, которая на меня лично оказала глубочайшее влияние, но очень многие из нас пленялись дзен-буддизмом, древнеиндийской философией, даосизмом.

Мы упивались произведениями кино и литературы, где стиралась грань между фантазией и реальностью и где фантазийное приобретало большую осязаемость, чем «реальный» мир вокруг нас. «Гарри Поттер», «Властелин колец» и «Звездные войны» – это детально разработанные Вселенные, влияние которых начинаешь осознавать только потом, когда замечаешь, как часто Главное здание МГУ романтизируется на фотографиях в Интернете как Хогвартс, и задумываешься, насколько твоя стажировка по Средневековью в Дублинском университете была воодушевлена мрачноватой замковой эстетикой поттерианы. Когда открываешь в себе неизвестно откуда взявшийся интерес к староанглийскому языку, на котором, как потом окажется, основан эльфийский у Толкина, и когда вдруг соглашаешься с интуицией Хайдеггера о потаенной «мудрости» древних языков – слов, отпирающих двери понимания, подобно звенящей из детства «алохоморе». Когда понимаешь, что названные произведения – это эпические квесты, каждый из которых скрупулезно исследует тонкую грань добра и зла и того, что находится «по ту сторону», учит избегать крайностей, обнаруживая сложность и многогранность человеческого существа, стимулирует к осмыслению и переосмыслению архетипа «героя» и его самоотверженного поиска истины, добра и самого себя (к слову сказать, пусть это и прозвучит несколько забавно, что свою положительную феминистскую роль сыграли и диснеевские принцессы, учившие девчонок с детства самостоятельно решать свои проблемы и придававшие уверенность, что нам тоже по силам возглавить армию, как Мулан, противостоять мещанским стандартам благополучия, как Бэлль, или стремиться к мирному диалогу между традициями, как Покахонтас).

И здесь снова можно констатировать: мы как поколение оказываемся в каком-то переходном положении: впитав в себя строгие академические традиции, живыми образцами кото-

рых нам служили многие преподаватели, мы остались мечтателями, пытающимися заглянуть «за»: за кантовские границы познания, за научную картину мира, за обыденность и границы здравого смысла. Сам дым «мыслительного эксперимента», растягивающего и деформирующего реальность, нам сладок и приятен, это привычная нам среда существования. Романтика научного поиска и научно-технического прогресса не превратила нас в ярых поборников сциентизма – она странным образом уживается в нас с любовью к мифическому и даже эзотерическому, к странному, фантастическому, гетероморфному и избегающему классификации. Нам нравится соседство великого и незаметного, судьбоносного и случайного, возвышенного и смешного, серьезности и шутовства. Кажется, именно в этом заключается притягательность для моих ровесников музыки Бориса Гребенщикова, замешивающего в своих песнях такие понятные нам негомогенные коктейли из аллюзий, отсылок, прибауток и молитв. Опять-таки сложно сказать, сколько людей из моего философского поколения подписалось бы под этими словами, но образцовыми примерами подобной творческой всеохватности для нас можно было бы назвать У. Эко и Х.Л. Борхеса – поистине всеядных исследователей и читателей, избегающих однозначной классификации, внимательных мыслителей и коллекционеров диковинного, создавших множество гибких и в философском смысле «открытых» текстов, допускающих игру смыслов и образов, балансирование на грани реального и фантастического.

Слово «игра» приходит здесь на ум совершенно не случайно, и это еще одна характеристика, применимая к нашему поколению. Тут важно отметить, что видеоигры становятся в нашу эпоху не только неотъемлемой составляющей реальности (достраивающей само «реальное»), но и предметом философской рефлексии. Мы застали формирование на факультете направления *game studies* (развитием которого успешно занимается наш старший коллега А. Ветушинский), одним из результатов которого стало достижение в 2020 году соглашения о совместной деятельности между философским факультетом и компанией – разработчиком игр *Epic Games*. Однако, на мой взгляд, определение «*homo ludens*» подходит к нам не только как к поколению, участвующему в виртуализации реальности, но и в более широком, философском смысле «игры»: недаром знаковым философом для многих моих коллег стал Витгенштейн и почти весь курс переболел постмодернистской игрой с бурлящими на поверхности смыслами. Кажется, «мое поколение» находит особую радость в игре – коснется ли она игры с текстами, друзьями или собственным воображением. Поколение, родившееся в эпоху неопределенности, видимо, и должно черпать какое-то особое удовольствие в тезисах о неопишемости всех правил игры, теореме о неполноте формальных систем и принципе квантовой неопределенности, в гераклитовском образе ребенка, играющего в кости, в убежденности, что правила гибки и изменчивы, что наш мир формируется языком, на котором мы о нем говорим, что картины реальности конструируются из перспективы смотрящего и что даже если нет прорыва к некоему трансцендентному и единственно истинному объяснению всего, всегда можно найти радость в самой игре со сменяющимися друг друга лицами реальности. Мы в этом смысле – чуть меньше герои и чуть больше актеры, по сравнению с поколением наших родителей и дедов. Из этой перспективы становится вполне понятно, почему многим из нас оказался близок прагматизм как подход к предшествующей философской традиции: он отвечает всеядной толерантности и игривости нашего сознания. Мы можем читать тексты серьезно и возвышенно, а можем иронично, совмещая смех и строгое рассуждение: одним из лучших выражений этого подхода к философии и миру стал созданный Е. Логиновым, И. Фоминым и А. Мерцаловым журнал «Финиковый Компот», с самого начала задумывавшийся как издание, открытое к разного рода жанрам, к комическому и серьезному, академическому и игровому.

Приближаясь к заключению, стоит все-таки от общего устройства нашего миллениального лица перейти к его конкретным чертам и охарактеризовать, кто играл и продолжает играть значительную роль в становлении нашего философского поколения. Разумеется, здесь я могу рассуждать только из перспективы моего собственного пути, во многом определенно-го кафедрой истории зарубежной философии, на которой я провожу уже 11-й год, сначала в качестве студента, а теперь уже преподавателя. Отсутствие здесь каких-то имен является следствием этого искажающего эффекта перспективы, и конечно, на факультете гораздо больше талантливых и ярких людей, чем будет названо здесь.

Признаюсь, что попасть на философский факультет в 2009 году для меня было почти сопоставимо с тем, как для Данте – встретиться с мудрецами и поэтами прошлого в Лимбе. Мы действительно попали в философский оазис, уже на 1-м курсе поочередно ныряя то в полиглотские лекции М.А. Гарнцева по древнему Востоку, то в котел современной мысли на лекциях В.Ю. Кузнецова по онтологии, то переносясь на вдохновляющие и сразу задающие высокую интеллектуальную планку семинары по древнегреческой философии Д.В. Бугая и С.А. Мельникова. Философский факультет дал нам возможность учиться у таких ярких исследователей, как В.Г. Буданов, который свободно переходил от физики к философии и дразнил воображение топологией и синергетикой, и наш декан, профессор В.В. Миронов, своими лекциями формировавший в нас привычку к строгому и непредвзятому осмыслению современности. На более поздних курсах мы испытали огромное влияние человека, во многом определяющего облик философии сознания в современной России, В.В. Васильева. Своими лекциями о немецкой классической и современной англо-американской философии он привил нам вкус к критическому, ясному мышлению. Мой собственный философский путь сложился в основе своей под руководством еще одного преподавателя, собирающего теперь аншлаги на своих межфакультетских курсах и увлекающего студентов в поиск крупиц истины, рассеянных по самым разным эпохам, Е.В. Фалёва. Отдельно нужно сказать об исследовательницах и преподавательницах, пример которых придавал нам уверенности на весьма расплывчатом и извилистом пути женщины-философа: здесь нельзя обойти молчанием образец ясности и аналитичности З.А. Сокулер, энциклопедически многогранную Н.В. Мотрошилову, чуткого филолога и философа Т.В. Васильеву, с которой мы уже, к сожалению, общались только по книгам, первопроходца в русском паскалеведении Г.Я. Стрельцову, методолога науки М.А. Шестакову, учившую нас на семинарах точности понимания и выражения, А.А. Костикову, активно развивающую на факультете направление философии языка и создававшую нам возможности общения с иностранными коллегами, заместителя директора ИФ РАН Ю.В. Синеокову, с которой я познакомилась уже будучи аспирантом, через проект «Философская мастерская», созданный Юлией Вадимовной с целью помочь аспирантам углубить и конкретизировать свое научное исследование.

Нам очень многое дало общение со старшими коллегами из Института философии РАН и Высшей школы экономики, из журнала «Логос», со специалистами различных кафедр Философского факультета МГУ. Под их влиянием выросли не только отдельные яркие исследователи, но и выкристаллизовались определенные направления наших научных поисков, которые включают в себя современную философию сознания, исследования искусственного интеллекта, *game studies*, урбанистику, феноменологию и философию языка. Здесь, конечно, нельзя не упомянуть Центр исследований сознания, созданный В.В. Васильевым и Д.Б. Волковым, в работе которого активно принимают участие А. Беседин, А. Кузнецов, мой однокурсник Е. Логинов и другие молодые специалисты. Силами сотрудников центра в 2014 году было организовано беспрецедентное в истории факультета событие – философский круиз вокруг Гренландии с участием «звезд» англоамериканской философии сознания. Сейчас центр осуществляет плодотворную работу по организации обсуждения актуальных проблем фило-

софии сознания с ведущими зарубежными учеными и философами. Впрочем, нельзя сказать, что современная англо-американская философия исчерпывает поле наших философских интересов: среди своих коллег по факультету можно было наблюдать становление ученых, посвятивших себя исследованиям Древней Индии (А. Ложкина), Античности (Р. Платонов-Поляков, А. Юнусов и др.), Средневековья (А. Симонян). Говоря о Средневековье, нельзя не упомянуть о Д.К. Маслове и М.Л. Хорькове, еще в период учебы удивлявших нас умением растолковать извилистую букву средневекового письма. Стоит также отметить развивающиеся отношения кафедры истории зарубежной философии с Институтом востоковедения РАН и роль Е.В. Фалёва в организации первой научной стажировки студентов нашего факультета в Тибетскую библиотеку трудов и архивов г. Дхармсала. Под руководством Е.В. Фалёва сложилось также подрастающее поколение хайдеггероведов философского факультета МГУ, число которых увеличивается с каждым годом, несмотря на скандальную славу Хайдеггера. Он, на мой взгляд, является звеном той линии преемственности, которая соединяет нас с основателями традиции русского хайдеггероведения, В.В. Бибихиным и А.В. Михайловым. Также среди моих коллег на факультете можно наблюдать живой интерес к исследованиям театра и кино, поддерживаемый кафедрами философской антропологии, эстетики, философии языка. Нужно отметить, что осмысление перформативных практик, таких как актерское мастерство, представляется мне одним из наиболее многообещающих направлений развития философии. К этому выводу меня, в частности, привело обучение в созданной преподавателями питерского РГИСИ Л.Р. Мочалиной и Е.Е. Кузиной Студии Михаила Чехова, где освоение актерской методики неожиданно превращается в философское исследование человеческой природы. Уже из этого пунктуального описания становится ясным неоднородность полей, занимающих наше философское воображение.

Однако не позволим суховатым перечислениям поглотить изначальный замысел этого текста: напомним читателю, что задачей здесь было не составить почетный список прославленных деятелей, а попытаться уловить хотя бы несколько черт на ускользающем лице поколения, которое, кажется, само еще не способно взглянуть на самого себя в зеркало. Вероятно, это взгляд в зеркало и не возможен без опосредующего взгляда других, не-нас, будь это наши предшественники или потомки. В конце концов, будучи противником любых небрежных генерализаций, касается ли это наций, полов или цветов, я не до конца комфортно чувствую себя в роли создателя своеобразной бартовской мифологии поколения. Быть может, чертой моего поколения является как раз то, что оно отказывается видеть себя в качестве поколения, разбрасывая себя по полям различных традиций, методов, подходов и языков. Возможно, нам действительно нравится совершать свою космическую одиссею больше, чем сидеть в доме, прочно установленном на фундаменте бесспорных убеждений и огороженном забором уютных идолов и предрассудков. Пускай придет тот, кто соберет нас в коллекцию своих лабораторных образцов, и, направив на них свой монокль, вынесет непредвзятый вердикт – мы же пока продолжим свое плавание к границам мира.